

СТИВЕН КИНГ

Долорес Клейборн

Издательство АСТ
Москва

УДК 821.111-313.2(73)

ББК 84 (7Coe)-44

К41

Серия «Темная башня»

Stephen King
DOLORES CLAIBORNE

Перевод с английского *И.Г. Гуровой*
Серийное оформление *А.А. Кудрявцева*
Компьютерный дизайн *Е.А. Коляды*

Печатается с разрешения автора и литературных агентств
The Lotts Agency и Andrew Nurnberg.

Фото автора на обложке: Shane Leonard

Подписано в печать 22.11.17. Формат 84х108 ¹/₃₂.
Усл. печ. л. 15,12. Доп. тираж экз. Заказ № .

Кинг, Стивен.

К41 Долорес Клейборн : [роман] / Стивен Кинг ; [пер. с англ. И.Г. Гуровой]. — Москва : Издательство АСТ, 2018. — 285, [3] с. — (Темная башня).

ISBN 978-5-17-078275-8

Убийцы не монстры и не жуткие выродки. Они живут среди нас, кажутся обычными людьми, и ничто в них до поры до времени не предвещает грядущего кошмара. Почему же внезапно убийца преступает важнейший нравственный закон человеческого бытия?

«Психология убийства» — тема захватывающего романа Стивена Кинга «Долорес Клейборн».

УДК 821.111-313.2(73)
ББК 84 (7Coe)-44

© Stephen King, 1993
© Перевод. И. Гурова, 1997
© Издание на русском языке AST Publishers, 2018

Моей матери
Рэнн Тиллзбург Кинн

«Чего хочет женщина?»

Эрих Фрейд

«У-Б-А-Ж-Е-Н-И-Е,
поймите, что это значит для меня».

Арина Франклин

Чего ты спрашиваешь, Энди Биссет? Поняла я права эти, как ты их мне отбарабанил? Господи! И что это мужчины все такие безмозглые? Нет, это ты помолчи! Хватит языком молоть, а лучше меня послушай. И думается, будешь ты меня слушать за полночь, так что сразу попривыкни. Да все я поняла, права эти, все, что ты мне прочитал! Или, по-твоему, я с ума спятила, как поговорила с тобой в супермаркете? Днем в понедельник, если у тебя из головы вон. Я тебе еще сказала, что жена скажет тебе пару теплых слов, что ты вчерашний хлеб купил: цент сэкономил — на доллар прогорел, как говорится. Я как в воду смотрела, а?

Права свои я еще как понимаю. Энди! Моя мать дураков и дур не растила, слава тебе Господи. И обязанности свои я тоже понимаю, Бог мне свидетель.

Говоришь, все, что я ни скажу, может быть использовано против меня на суде, так? Ну, чудесам несть числа! А ты брось зубы скалить. Фрэнк Пролкс! Может, ты теперь и самый что ни на есть полицейский, да я-то помню, как ты без штанов бегал и ухмылка у тебя была вот такая же глупая. Послушай моего совета и улыбочки свои на старух вроде меня не трать. Мне тебя прочесть проще, чем рекламу белья в каталоге Сирса.

Ну ладно, повеселились и будет, пора и к делу. Я вам троим много чего понараскажу, и, может, полови-

на пригодится против меня в суде использовать, если кому захочется такое старье ворошить. Смех, да и только! Ведь на острове давно добрую половину знают, а то и больше, и мне взять да наложить, как старик Нили Робишо говаривал, наклюкавшись, а он редко когда просыхал, это вам всякий скажет, кто его знал.

А вот на одно мне не наложить, потому-то я и пришла сюда сама, никто меня за ворот не тащил. Стерву эту, Веру Донован, я не убивала, и вы у меня поверите, что бы вы сейчас ни думали. С дерьмовой этой лестницы я ее не сталкивала. Решите засадить меня за то, другое, так сажайте, а только этой стервы крови у меня на руках нет. И думается, ты даже сомневаться не станешь, когда я договорю, Энди. Ты всегда был мальчик неплохой — для мальчика. Хотел, чтоб все было по-честному, вот я про что, и вырос приличным мужчиной. Только не очень-то задавайся: вырос ты, как всякий мужчина, которому какая-нибудь женщина стирает, да нос вытирает, да поворачивает, куда надо, чуть ты с пути собьешься.

Еще одно, а уж потом начнем. Тебя, Энди, я знаю, ну и Фрэнка, само собой, а вот кто эта женщина с диктофоном?

Господи, Энди! Да знаю я, что она стенографистка! Я же тебе сказала, что моя мама дур не растила, верно? Может, мне в ноябре и стукнет шестьдесят шесть, но голова у меня в порядке. Если женщина сидит с диктофоном и блокнотом, значит, она стенографистка, а кто же? Я ведь все судебные программы смотрю, даже «Закон Лос-Анджелеса», хоть там никто одетым дольше пятнадцати минут не остается. Как тебя зовут-то, деточка? А-а! И откуда ты?

Уймись, Энди! Какие у тебя еще дела нынче вечером? Собирался на пляж ловить тех, кто ракушки собирает без разрешения? Только, глядишь, сердце-то у тебя таких волнений и не выдержит, а? То-то!

Ну вот! Так-то лучше. Ты, значит, Нэнси Баннистер из Кеннебанка, а я Долорес Клейборн, здешняя, так на острове Литл-Толл и живу. Ну я же сказала, что наговорю с три короба, и сама увидишь, что так оно и будет. Так если захочешь, чтоб я погромче говорила или там повторила что, так сразу скажи, не стесняйся. Я хочу, чтобы ты записала каждое мое слово. И для начала, что двадцать девять лет назад, когда вот этот самый начальник полиции Биссет в первый класс ходил и клей с картинок слизывал, я убила моего мужа, Джо Сент-Джорджа.

Что-то тут засквозило, Энди. Смотри, я уйду, если ты не закроешь свою дурацкую пасть. И чего ты глаза выпучил? Ты же знаешь, что я убила Джо. На Литл-Толле это все знают, да и в Джонспорте за проливом тоже, думается, каждый второй знает. Только вот доказать никто не может. И я бы и не призналась сейчас в присутствии Фрэнка Пролкса и Нэнси Баннистер из Кеннебанка, если бы эта дура старая, стерва Вера, не взялась опять за подлые свои штучки.

Ну да больше-то ей не пакостить, а? Одно утешение.

Придвинь-ка диктофон поближе ко мне, Нэнси, лапонька. Если уж записывать, так уж наилучшим образом, верно? До чего махонькая машинка, а? Чего только эти японцы не навыдумывали! Да уж... но, думается, мы обе знаем, что того, что на пленке внутри твоей пампушечки останется, хватит, чтобы засадить меня в женское исправительное заведение до конца моей жизни. Да

только выбора у меня нет. Перед Богом клянусь, я всегда знала, что Вера Донован — моя погибель. Как в первый раз ее увидела, так и поняла. И вот посмотри, что она сделала, что эта чертова старая стерва сделала со мной! Уж теперь она точно сунула мне палку в колеса. Все они такие, богачи: не могут запинать тебя до смерти, так задушат до смерти своей добротой.

— Что?

Да ну тебя, Энди! Я бы давно до дела добралась, не дергай ты меня каждую секунду. Просто я еще не решила, рассказывать от конца к началу или от начала к концу. А выпить у вас чуточку не найдется?

Да иди ты со своим кофе! И кофейник убери куда подальше. Дай простой воды, если уж жалко тебе отлить глоточек из бутылки вон в том ящике. Не такая уж я...

То есть как откуда я знаю? Энди Биссет, можно подумать, ты только вчера из люльки выполз! По-твоему, у людей на острове только и разговору, как я своего мужа убила? Черт, новость-то старенька! А вот ты... сочности в тебе пока хватает.

Спасибо, Фрэнк. Ты тоже всегда был неплохим мальчиком, хотя в церкви на тебя и было страшно смотреть, пока мать не отучила тебя за козюлями охотиться. Господи, бывало, весь палец в ноздрю засунешь — просто чудо, что ты у себя все мозги не повыковырял. Да краснеть-то чего? Еще не родился ребенок, который не добывал бы чуток зеленого золота из своего старого нососа, хоть и с передышкой. Ну а у тебя хватало ума держать руки подальше от штанов и своих шариков хотя бы в церкви, а есть мальчишки, которых...

Да, Энди, да! Я все расскажу. Да что у тебя в брюках — муравьи?

Вот что: начну-ка я не с конца и не с начала, а с середины и пойду в обе стороны. А если тебе, Энди Биссет, это не нравится, запиши в список своих грехов и отправь священнику.

У нас с Джо было трое детей, и, когда он помер летом шестьдесят третьего, Селене сравнялось пятнадцать, Джо Младшему — тринадцать, а Малышу Питу — всего девять. Ну, Джо не оставил мне даже горшка посрать да и окошка, чтобы было куда выплескивать...

Наверное, Нэнси, тебе придется чуток почистить, а? Я же просто старуха с поганым нравом, а языком еще поганей, но только если жизнь у тебя поганая, так чего и ждаться-то, а?

О чем бишь я? Совсем сбилась...

А-а! Спасибо тебе, деточка.

Оставил мне Джо лачужку у Восточного мыса да шесть акров земли сплошь в ежевике и всякой дряни, которая вырастает на расчистке. Что еще? Дай-ка подумать? Три машины, которые не заводились, — два пикапа и грузовичок под древесину, — да четыре поленницы дров, да счет от бакалейщика, да счет из скобяной лавки, да счет от нефтяной компании, да счет от гробовщика... А хочешь еще подарочек? Он и недели в земле не пролежал, как является пьянчуга Гарри Дусетт с дерьмовой бумаженцией — Джо ему двадцать долларов проиграл в споре о бейсболе!

Вот что он мне оставил. А думаешь, еще и деньги по страховке? Черта с два! Хоть, может, оно и к лучшему обернулось. Ну, до этого я, может, потом доберусь, а сейчас я одно хочу сказать: Джо Сент-Джордж и не человек был вовсе, а чертов камень у меня на шее. Да только хуже: камни-то не напиваются и не заявляются, смердя

пивом, в час ночи и сразу в постель — ублажай его! Убила-то я сукина сына не по этим причинам, ну да начать с чего-то надо же!

Остров, конечно, не место, чтобы убивать кого-то, можете мне поверить. Обязательно кто-нибудь рядом болтается, чтоб сунуть нос в твои дела, когда тебе это совсем уже не нужно. Вот почему я убила, когда убила, и об этом тоже в свой черед скажу. Ну а пока довольно будет, что сделала я это почти точно через три года после того, как муж Веры Донован погиб в автокатастрофе под Балтимором — они там жили, а на Литл-Толле только лето проводили. В те дни мозги у Веры еще набекрень не съехали.

Значит, нет больше Джо и денег нет — вот и делай что хочешь. Я вам одно скажу: во всем мире хуже быть не может, чем остаться одной с тремя детьми на руках. Хоть на стенку от отчаяния лезь! Я уж было решила поискать работу за проливом в Джонспорте — ну там покупки в самообслуживании проверять или официанткой в ресторане, как вдруг эта дурища решила жить на острове круглый год. Все решили, что она чокнулась, а я и не удивилась вовсе: она ведь и так уж тут подолгу жила.

Парень, который у нее тогда работал... Имя я запомнила, но ты, Энди, знаешь, о ком я: ну, красавчик — он еще штаны носил такие тесные, чтобы весь мир видел, яйца у него с банку из-под варенья... Ну так он заявился ко мне и сказал, что хозяйка (он ее так всегда называл — хозяйка, дурак безмозглый) хочет знать, не соглашусь ли я работать у нее экономкой постоянно. Ну я с пятидесятого года летом их обслуживала, так к кому же ей и было обратиться в первую очередь? Только тогда это было ну прямо ответом на мои молитвы. Я сразу согласилась и проработала

ла у нее до самого вчерашнего дня, когда она слетела со ступенек прямо на свою глупую пустую башку.

Чем ее муж-то занимался, Энди? Самолеты строил?

А-а! Наверное, я слыхала, но ты же знаешь, как люди на острове болтают о чем ни попадя. Точно я знаю одно: денег у них хватало, очень даже хватало, и все они ей достались после его смерти. Кроме того, конечно, что правительство отхватило, да только очень сомневаюсь, что оно хотя бы половину получило того, что ему причиталось. Майкл Донован умел соображать. И был очень хитрым. Конечно, никто, кому ее доводилось видеть последние десять лет, не поверит, что Вера в хитрости ему не уступала... И хитрые дни у нее бывали до самой смерти. Я все думаю, знала ли она, какую мне пакость устроит, если не умрет мирненько в своей постели от сердечного приступа, а какой-нибудь другой смертью? Я чуть не весь день просидела на ступеньках у Восточного мыса и все думала об этом... об этом и еще о всяком разном. Сначала решу: нет, у миски с овсянкой под конец больше мозгов было, чем у Веры Донован, а потом вспомню, как она с пылесосом... и уже думаю: а вдруг? Ну а вдруг?

Теперь-то не важно. Теперь важно, что я угодила из огня да в полымя, и очень бы мне хотелось поменьше задницу опалить. Если не позднохватила.

Начала я у Веры Донован экономкой, а кончила «платной компаньонкой», как они говорят. Разницу-то я скоро сообразила. Экономкой у Веры я ела дерьмо по восемь часов в день пять дней в неделю. А платной ее компаньонкой я его ела круглые сутки без выходных.

Первый удар ее хватил в шестьдесят восьмом году, когда она смотрела по телевизору съезд демократов в Чи-

каго. Он был совсем легкий, и она винила за него Губерта Хамфри. «Посмотрела лишний раз на эту сияющую жопу, — говорила она, — и у меня лопнул сосуд в мозгу. Могла бы сообразить, что этим кончится. Ну да с тем же успехом это мог оказаться Никсон!»

В семьдесят пятом удар был потяжелее, и свалить его на какого-нибудь политика она не могла. Доктор Френо ее предупреждал, что ни курить, ни пить ей нельзя, но мог бы и не трудиться — разве станет такая заносчивая киска, как Вера-Целуй-Меня-В-Задницу Donovan, слушать старого простого деревенского доктора вроде Чипа Френо? «Я еще его похороню! — говорила она. — И выпью виски с содовой у него на могильной плите».

Ну, и некоторое время казалось, что выйдет по ее — он ей выговаривал, а она, знай себе, плавала, что твоя «Куин Мэри». Ну а в восемьдесят первом ее стукнуло уже крепко, а в следующем году красавчик расшибся в машине на материке. Вот тогда я и поселилась у нее — в октябре восемьдесят второго года.

Обязательно это было? Не знаю. Да нет, пожалуй. Пенсию по страсти, как старушка Хэтти Мак-Леод вы-ражалась, я получала. Не то чтоб много, но дети давно уже со мной не жили — а Малыш Пит так и вовсе долго жить приказал, бедный заблудший ягненок, и кое-что я на черный день отложила. Жить на острове всегда дешевле, и, хотя теперь цены не прежние, все-таки они куда ниже, чем на материке. Ну и, значит, жить у Веры было мне не обязательно.

Но мы свыклись друг с другом. Мужчине это понять трудно. Нэнси тут с ее блокнотами, ручками и диктофоном, думается, понимает, да говорить ей, верно, не

полагается. Так мы привыкли друг к другу, ну как, наверное, привыкают летучие мыши, которые висят рядышком головами вниз в одной пещере, хотя добрыми друзьями их никак не назовешь. Да и перемена большой не была. Только, что я праздничные платья повесила в шкафу, где всегда висела моя рабочая одежда. Ведь с осени восемьдесят второго я там бывала все дни напролет, да и ночи почти все там проводила. Деньжат прибавилось, но не настолько, чтоб я сделала первый взнос за «кадиллак», как говорится. Ха!

Думается, просто, кроме меня, больше некому было. В Нью-Йорке у нее был управляющий по фамилии Гринбуш. Только Гринбуш не собирался жить на Литл-Толле, чтобы слушать, как она вопит из окна спальни, чтобы он простыни зажегил шестью прищепками, а не четырьмя. Да уж он бы не поселился в комнате для гостей, чтобы менять ей пеленочку, вытирать дерьмо с ее жирной старой задницы, пока она твердит, что он крадет пятицентовики из ее чертовой фарфоровой свиньи-копилки, и обещает сгноить его за это в тюрьме. Гринбуш только щеки отрывал, а я подтирала ей задницу и слушала, как она бредит про простыни, и про мусорных кроликов, и про свою чертову фарфоровую свинью.

Ну и что? Я за это ордена не жду, ни даже «Пурпурного сердца». Дерьма я за свою жизнь навывтиралась достаточно, а наслушалась так еще больше (я же шестнадцать лет была замужем за Джо Сент-Джорджем, не забывайте), и ничего, здоровой осталась. Думается, не бросила я ее потому, что никого другого у нее не было. Либо я, либо больница. Дети ее не навещали, и вот тут я ее жалела. Конечно, я не ждала, что они вокруг нее будут прыгать, — не думайте, но все-таки не понимала,

почему бы им не забыть про старую ссору, из-за чего бы там они ни разругались, и не приехать на денек-другой, а то и погостить. Стерва она была жуткая, что так, то так. Но им-то она была мать! Ну и состарилась... Конечно, теперь я побольше знаю, чем тогда, и все-таки...

— Что?

Ну да, это чистая правда. Если я вру, так пусть сразу умру, как говорят мои внуки. А не верите мне, так позвоните этому Гринбушу. Думается, едва все выплывет наружу — а уж выплывет наверняка, иначе ведь не бывает, — так бангорская «Дейли ньюс» обязательно напечатает сопливую статейку, как все это раз-замечательно. Но вы меня послушайте — ничего тут раззамечательного нет, а один поганый кошмар. Как бы все ни обернулось, а люди тут обязательно скажут, будто я заморочила ей голову, а как она сделала то, что сделала, сразу ее и прикончила. Уж я знаю. И ты, Энди, знаешь. Нет такой силы на земле, да и на небе, чтоб помешать людям верить в самое скверное, если им так приспичит.

Так во всем этом дерьме ни единого слова правды нет. Ни к чему я ее не принуждала, а сделала она то, что сделала, не потому, что так уж меня обожала — она и привязана-то ко мне не была. Ну, может, сделала она это, потому как считала, что в долгу у меня — на свой чокнутый манер она ведь, глядишь, думала, что очень даже в долгу передо мной, только сказать это она бы никогда не сказала. Не по ее такое было бы. Ну, и даже могла она так меня отблагодарить... Нет, не что я ей задницу подтирала, а за то, что была рядом во все ночи, когда провода из углов вылезали, а мусорные кролики лезли из-под кровати.

Ничего, что вам пока непонятно, потом ясно станет. Обещаю, когда вы по домам отправитесь, то все поймете, все!

Стерва из нее по трем причинам вылазила. Знала я женщин, у кого причин таких было и больше, но и трех хватает для сумасшедшей старухи, которая из постели только в кресло-каталку и выбиралась. Для такой и трех причин по горлышко хватает.

Первая причина, когда она с собой ничего поделывать не могла. Ну помните, что я про прищепки говорила — чтоб простыню шестью прищипливать, а четырем — ни-ни, и думать не смей? Ну так это только один такой пример.

Если ты работала для миссис Веры-Целуй-Меня-В-Задницу Донован, так обязана была помнить, как что положено делать, и ничегошеньки не забывать. Она сразу указывала, чего ей требуется, и, можете мне поверить, так все и делалось. Один раз забудешь, она тебя отругает. Второй раз забудешь, будет с тебя вычет. Ну а в третий раз забудешь, так вылетишь вон, как там ни оправдывайся. Такое было у Веры правило, и меня оно устраивало. Не очень-то мягкое, но справедливое. Если ты со второго раза не запомнишь, на какие полки ставить выпечку остывать, а на подоконник — ни-ни, не какие-нибудь мы нищие ирландцы, так, значит, не запомнишь никогда.

Три промашки — и ты вылетаешь вон, такое было правило, и никаких тебе исключений. Вот и вышло, что работать мне там пришлось с самыми разными людьми. В старые дни я только и слышала, что пойти работать к Донованам, это как сунуться во вращающуюся дверь. Один оборот сделаешь, два, а кое-кто так и десять умуд-